

«Московский комсомолец»
9 декабря 1961.

С ТЕБЯ СПРОСИТСЯ БОЛЬШЕ...

Театр

Формирование личности художника, возмужание его таланта... Не столь уж много на нашей сцене серьезных попыток решения этой благородной и очень непростой темы. Поэтому, скажу сразу, мне дорог новый спектакль Московского театра драмы и комедии «Фантазия для скрипки», хотя он и небесспорен и удался далеко не во всем.

Б. Метальников написал драматическую хронину, очень дробную, составленную из множества картин и густо населенную героями, многие из которых появляются в одной-двух картинах, чтобы потом исчезнуть без следа. Композиция пьесы выдает в Метальникова кинодраматурга. И, казалось бы, не с техническими возможностями Театра драмы и комедии, который даже вращающегося круга сцены не имеет, браться за ее постановку.

И все-таки главный режиссер театра А. Плотников взялся. Он и художник М. Виноградов приложили немало усилий, чтобы «уместить» этот спектакль на крошечной и не очень удобной сцене. Технические затруднения все же не разрешены до конца, это порой очень мешает восприятию. Есть у театра с драматургом и еще кое-какие расхождения. Однако в главном они оказались единомышленниками.

...В глубине сцены — оркестр и строгий дирижер за пультом. Выходит скрипач в концертном костюме, конференсье объявляет: «Сейчас будет исполнена «Фантазия для скрипки». Исполняет автор — Андрей Рогачев». Пошлился в зал первый звук, и не видно уже ни оркестра, ни скрипача. Освещается передняя часть сцены. Начинается действие пьесы.

Оркестр появляется перед началом каждого действия, возникает он и в конце. Спектакль словно взят в рамку. Он весь — воспоминания, мысли Андрея о прошлом, которые вложил он в свою музыку, в свою «Фантазию для скрипки».

Роль Андрея Рогачева играет А. Шворин, участник смотра театральный молодежи столицы. Именно о его работе хотелось бы сказать подробнее: главные достижения спектакля связаны прежде всего с ней.

Первое появление антра на сцене. Почтенный, благоустроенный дом старого профессора музыки. И так великолепно, идеально выглядят в этой обстановке нечесанный, длиноватый подросток, которого мучительно стесняет «приличная» одежда, — беспризорник, недавно подобранный на улице. Контраст разителен. И Андрей, к которому очень рано пришло недетское понимание жизни, болезненно чувствует это. И ходит, осторожно ступая, оглядываясь, словно боится все время что-то разбить: и мучительно смущает-

ся, поставленный перед необходимостью проявить несколько слов; и почти «истинно» жмется все время к стенам, чтобы как можно меньше попадаться на глаза.

Актёр привлекает с самого начала, но в этой первой сцене, признаться, и настораживает несколько. Очень уж внешние данные Шворина не соответствуют облику 18-летнего беспризорника. Вероятно, он и сам почувствовал это, а потому «неуверенность, скованность» дают о себе знать.

Длинная сценическая свобода приходит к актёру позже — там, где Андрей уже взрослый человек, молодой талантливый музыкант, унававший первый успех. По схеме все выходит примитивно, знакомо: стал знаменитым, завкался, попал в компанию высокомерных снобов от искусства и забыл старых друзей. Так можно было сыграть, оставаясь на поверхности пьесы, так, между прочим, и играет здесь большинство партнеров Шворина.

Но работа его самого многообразней и сложнее. Дело, мне думается, в том, что Андрей в спектакле все время чужден перед собой и перед окружающими: так, по крайней мере, он сам искренне считает.

Однажды зашла к нему в дом Аленка, девушка, которую он много лет не видел и с которой его связывает очень многое. Андрей по-настоящему обрадовался, только вот зашла она как-то не вовремя. И он, назначив Аленке свидание на следующий день, не слишком удерживал ее, когда она собралась уходить. Так ведь не знал же он в конце концов, не мог знать, что она в отчаянном, безвыходном положении!

Повстречался с другом прежних лет, бьет его по плечу, смеется неестественно громко — очень неловко, фальшиво себя чувствует. И признается: бывает там, живешь с человеком душе в душу, а потом разбрасывает судьба в разные стороны, новые знакомые появляются, новые интересы; встретишься — говоришь не о чем. И врада не виняешь никто, и все же чувствуешь себя виноватым... В самом деле, разве не бывает?

Андрей Шворина и детка-тен, и обаятелен, и поведение его вроде бы предсказуемым не назовешь. Более того, упала Аленка, и в следующую минуту у него вырывается: «Я, кажется, сделал что-то... нехорошее». Человеку несовременному, чертовому разве такое в голову пришло бы? И все-таки что-то случилось с ним, в самом деле нехорошее.

Люди, с которыми сталкивалась молодого скрипача жизнь, — и высокообразованные, и малограмотные относились к нему удивительно бережно, чутко. И Андрей привык к человеческой доброте, стал воспринимать ее, как нечто само собой разумеющееся.

Да, бережность, чуткость к талантливому человеку для наших людей естественна и обыденна. Но столь же естественным должно быть и другое. Полная, безраздельная, внутренняя отдача художника, его посвященная душевная восприимчивость и самоотверженная любовь к людям. Ему даво многое, с него и спросится больше, чем с других. Как с художника. И просто как с человека. Об этом-то и начал забывать Андрей Рогачев.

Так строит характер Шворина, точно улавливая глубокие течения пьесы. Вот только довольно откровенное хамство Андрея по отношению к жене психологически мало оправдано. Это не точно и противоречит манере пьесы. Вероятно, дава дуриным традициям: лучше сказать в любви то, не дай бог, приятель поймет что-нибудь не так...

Война, фронт помогли Андрею понять истинную цену человеческой доброты. «Таких, как он, по одному считают... Неужто мы свое народное достояние уберечь не сможем?», — очень судничито, без всякого пафоса заметил старшина Иван Иванович, отправляя Андрея с донесением в тыл и лучше других зная, что оставшийся на позиции никогда уже не вернется домой. Мужественно, сдержанно, без напора на мелодраматическую чувствительность играет актер потрясение Андрея.

Военные сцены — лучшие в спектакле. И если раньше Шворин довольно ласково выделялся и по уровню мастерства, и по удельному весу своей роли, то здесь он как будто бы даже уходит на второй план. Режиссер, мне думается, сознательно «потеснил» Андрея и разразовал эпизодических героев гораздо тщательнее, чем в предыдущих картинах, придав каждому из них человеческую весомость, значительность.

Поэтому мы поздравляем именно на фронте сумев понять Андрей до конца, чем он обязан старому профессору музыки, и подруге своего беспризорного детства Аленке, девушке с трудной, неустойчивой судьбой, и шумливым ребятами из комсомольского объединения, и этим солдатам в прокопанных, пролитых солью гимнастерках...

К. ШЕРБАКОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Фантазия для скрипки». Слева направо: Андрей Рогачев (артист А. Шворин), Павел (артист Ю. Гомозов), Маруся (артистка А. Вернова).